

КАТЯ-ВОЖАКЪ.

На столѣ были чашки съ чаемъ, молоко, творогъ съ сахаромъ, наръзанный ломтиками чернѣй и ситнѣй хлѣбъ, прозрачная банка съ душистымъ и тоже прозрачнымъ медомъ; все это стояло на скатерти безукоризненной чистоты: безукоризненно чистыя руки, немного полныя, съ атласистой кожей, возможной только у женщинъ, нерѣдко протягивались надъ яетвами къ одному или другому изъ сидѣвшихъ за столомъ и слышался грудной красивый голосъ:

— Пожалуйста, пожалуйста. Будьте какъ дома.

Говорила такъ мать-Анастасія, монахиня, вся въ черномъ, лѣтъ сорока, съ красивыми черными глазами. Въ то время она показалась мнѣ старухой, потому что мнѣ самому было только 23 года. Она была не то игуменія, не то настоятельница—не знаю какъ назвать, во всякомъ случаѣ, въ монастырѣ она была главнымъ лицомъ.

Насъ было человекъ пятнадцать. Въ праздникъ, прекраснымъ весеннимъ утромъ, обѣщавшимъ жаркѣй день, мы выѣхали съ дачной платформы на такъ называемыхъ—линейкахъ, на каждой по четыре человекъ; на послѣдней линейкѣ, весь обложенный кульками и свертками, ѣхалъ Кузьма, денщикъ генерала Клыкова, оставшагося дома изъ-за бѣшенія сердца, а жена его, очень веселая, курчавая, молодая блондинка, сидѣла со мною спина со спиной и рядомъ съ учителемъ географіи, который совершенно серьезно увѣрялъ ее, что въ Африкѣ, на востокѣ, есть мѣсто, называемый Гвардафуй, и потому онъ такъ называется, что течение океана возлѣ него опасно и коварно, и что про это мѣсто говорили издревле: «Гардэ-ву»,—что означаетъ: «берегитесь». Молодая генеральша хохотала, ласково била учителя въеромъ по рукамъ и по плечу, а вокругъ насъ все, залитое солнцемъ, безлюдное, зеленое и прекрасное, все стрекотало, звенѣло, пѣло, жужжало, все дышало радостью, жизнью и любовью.

Спиною къ генеральшѣ, я ѣхалъ рядомъ съ барышней Наденькой, про которую злыя старыя женщины всю зиму мнѣ говорили, что Наденька въ меня влюблена и что я поэтому долженъ въ августѣ или сентябрѣ на ней жениться. Вѣроятно, и ей говорили тоже эти глупыя женщины, что я въ нее влюбленъ и что осенью она должна сдѣлаться моею женой. И ухитрились, злодѣи, посадить насъ рядомъ. И такъ мы ѣхали часовъ около двухъ, какъ два колодника на одной цѣпи, и несправедливо мы за это другъ друга, а вокругъ все воображали, что мы—счастли-

вые женхъ и невѣста. Даже генеральша, повернувшись веселымъ лицомъ своимъ ко мнѣ, спросила учителя географіи, кивая на Наденьку.

— Есть, кажется, гдѣ-то мысль Добрая Надежды?.. Возлѣ него, несомнѣнно, тихая пристань... Не то, что вашъ— «Гардэ-ву»!

Вокругъ была такая простая красота, что не расскажешь о ней. Трудно рассказать о воздухѣ, о весеннемъ небѣ, о свѣжей зелени луговъ, о молодой листьѣ березъ, объ узкой вьющейся мягкой дорогѣ, по которой мы ѣхали другъ за другомъ, поднимая пыль; взбудораженная колесами, эта пыль клубами стремится къ солнцу, сѣрая, золотистая, прозрачная, и сквозь нее, какъ сквозь вуаль, зеленѣютъ луга и пашни—это будущее наступившаго года.

Обѣдня только что кончилась, когда мы пріѣхали. Въ монастырѣ по праздничному звонили, шумно и весело, возвѣщая объ отдыхѣ. Изъ церкви потянулись къ кельямъ черной вереницей монахини. Богомольцы изъ окрестныхъ деревень въ яркихъ цвѣтныхъ одеждахъ выходили уже за ограду, гдѣ на лужайкѣ рѣзвились и бѣгали ребятишки. Вскорѣ все разбрелось во-свояси и все затихло.

Генеральша была хорошо знакома съ матерью-Анастасіей, поэтому ее пригласили къ чаю, да заодно съ нею и веѣхъ насъ. Помню, мы заняли всю гостиную, когда вошли. На мою долю досталось старинное кресло краснаго дерева, въ которомъ, вѣроятно, удобно дремать, но неудобно чай пить.

Монастырь былъ небогатый, далекій отъ желѣзной дороги, малопоеѣщаемый, поэтому насъ принимали съ вниманіемъ и въ то же время такъ просто и по-домашнему, какъ-будто мы веѣ были давнишніе знакомые.

— Мы небалованья,—говорила мать-Анастасія,—у насъ все своими руками дѣлается. Я своихъ строго держу. Когда нужно, поблажку даю, волю даю, по головкѣ поглажу, но коль дѣло дѣлать, такъ ужъ тутъ обо всемъ забудь кромѣ дѣла. Безъ поблажки никакъ нельзя. Человѣческая душа ласку любить: приласкаешь—она и опять окрѣпла и возрадовалась, а безъ ласки—хорошо только сухари печь!

Она говорила все это строго, и доброе лицо ея было серьезно, а вокругъ изъ дверей глядѣли на свою «матушку» монахини, старья, и молодья, и на веѣхъ лицахъ была улыбка чуть замѣтная. Нельзя было ошибиться, что веѣ онѣ не только слушались и любили Анастасію, но обожали ее.

— Сестра Анна,—сказала Анастасія, постукавъ небрежно по столу два раза согнутымъ пальцемъ и не глядя въ ту сторону, откуда должна была появиться Анна, которая сейчасъ же вошла и молча поклонилась.

— Анна, позови хоръ, чтобъ гости послушали, какъ мы поемъ. Потомъ покажи имъ все... Катя-вожакъ гдѣ? Возьми ее на подмогу. Хоръ, говоришь, уже здѣсь? Вотъ умница, что раньше меня догадалась. Вели сейчасъ спѣть: духовныя двѣ и свѣтскихъ одну—нашу старинную.

Стукнулъ мякотью по столу еще разъ палець матери-Анастасіи—и Анны не стало.

— Прошу, милые гости, послушать. Наши юныя ученицы изъ школы, да мы старухи—вотъ и хоръ.—Катя, гдѣ ты?

Неслышными мягкими шагами сейчасъ же вышла изъ-за двери стройная дѣвушка, вся въ черномъ, съ опущенными рѣсницами, съ опущенными руками.

— А вотъ вамъ Катя-вожакъ. Сестра Анна и Катя все знаютъ здѣсь, все вамъ покажутъ.—Катя, раскрой веѣ окна и двери на балконъ; въ саду пускай

птицы поютъ, а здѣсь—мы; вмѣстѣ будемъ Господа-Бога славить...—Глафира, начинай духовное; задай камертонъ.

Гдѣ-то въ другой компанѣ слышались тягучіе, мягкіе аккорды фисгармоніи, и сейчасъ же влились въ нихъ живою волной свѣжіе дѣвичьи голоса, смѣшались съ ними и на минуту покрыли и заглушили ихъ.

Я не могъ болѣе сидѣть въ своемъ мягкомъ креслѣ краснаго дерева. Я вскалъ, прислонился къ стѣнѣ и глядѣлъ въ ту сосѣднюю комнату, гдѣ пѣли. Я видѣлъ группу дѣвушекъ; одну изъ нихъ, съ блѣднымъ строгимъ лицомъ аскета, съ глазами вдохновенными, зажженными неземнымъ восторгомъ, я особенно замѣтилъ. Это была какъ бы не сама дѣвушка, но душа умершей дѣвы, представшей передъ Господомъ праведной и блаженной.

— «Хвалите Бога во святыхъ Его»,—эти слова не только шли къ пей, но, казалось, что ни-кто иной не сможетъ, не посмѣетъ такъ громко и такъ просто произносить ихъ, потому что ни у кого иного нѣтъ такого благоговѣнія къ нимъ.

Поютъ, растутъ дѣвичьи голоса, восхваляютъ Бога «во святыхъ Его, во утверженіи силы Его, славятъ Его въ струнахъ и органѣ, въ кимвалахъ и гусляхъ»,—и дѣйствительно, въ согласованіе съ произносимыми словами волнуются клавиши фисгармоніи, дышатъ невидимые мѣха, звучатъ рожки, поютъ свирѣли...

Катя-вожакъ—какъ назвала ее Анастасія—стояла въ дверяхъ, скромная, тихая и красивая. Поскольку въ той, поющей, сказывалось «небо», постольку въ Катѣ чувствовалась «земля». Молоденькая, свѣжая, съ ясными голубыми глазами, въ черномъ платьѣ, съ темнымъ платочкомъ на головѣ, изъ-подъ котораго не пробивается ни единый волосъ, Катя среди этой черной армии, ушедшей отъ жизни, казалась здѣсь какъ бы случайпой плѣппицей.

За первой пѣсней послѣдовала вторая, утрюмая, торжественно-грозная, гдѣ пѣлось о душѣ, которую будили отъ сна, напоминая ей, что пора воспрянуть, что скоро будетъ уже поздно, что—«конецъ приближается»...

Не помню, не знаю этихъ прекрасныхъ словъ, поразившихъ тогда меня величіемъ. Помню только, что я былъ увлеченъ и восторженъ. Тотъ хоръ и словоисловіе, тотъ солнечный весенній блескъ съ пѣніемъ птицъ въ саду, съ ароматомъ зелени и цвѣтовъ, и безмолвная Катя-вожакъ съ ясными голубыми глазами—все это стало для меня чѣмъ-то единымъ и нераздѣльнымъ въ своей прелести. И мнѣ стало ясно тогда, что вѣковѣчная борьба между небомъ и землею, между грѣхомъ и подвигомъ, между жаждой счастья и отреченіемъ отъ жизни и радостей—все это и есть сама жизнь, плѣпительная живая жизнь, что именно въ этой борьбѣ и есть настоящая радость и счастье!

А монастырскія дѣвушки, подъ фисгармонію, пѣли уже, такъ называемую, свѣткую пѣсню:

«Во саду ли нашемъ во садочкѣ
Божии былинки, травки процвѣтаюгъ»...

Пѣли онѣ здѣсь и о птицахъ, по велѣнію Господню возвѣщающихъ зори, и про бабочекъ легкокрылыхъ, и о гремучемъ святомъ ручьѣ въ смолянскомъ бору... Откуда взялась такая пѣсня, такая музыка къ пей—объяснить намъ не могли.

— Еще до насъ ее здѣсь пѣли; и мы поемъ; и послѣ насъ будутъ пѣть.

Несмотря на восхищеніе, совершенно искреннее, я былъ радъ, однако, когда мы ушли, наконецъ, изъ этой комнаты, пахнувшей кипарисомъ, гдѣ остались все эти черныя сестры-клерошанки и ихъ школьныя питомки. Богъ съ ними!.. На зеленой лужайкѣ, обвѣваемый вѣтеркомъ, я почувствовалъ себя опять на волѣ; никто меня не держалъ, не связывалъ, не плѣнялъ—какъ хорошо! Безпричинная радость овладѣла вдругъ мною: я живъ! я молодъ! я свободенъ!

Въ это время генеральша поманила меня къ себѣ вѣеромъ. Я подошелъ.

— Мужчины наши проголодались,—сказала она,—послѣ меда и сливокъ просятъ поскорѣй вина и закуски. Мы съ Наденькой идемъ сейчасъ развязывать наши кульки и корзинки. Идите помогать; живо-живо!

Быть опять съ Наденькой, вмѣстѣ съ нею рѣзать колбасу и откупоривать бутылки, говорить всякую ерунду съ генеральшей и считать такое занятіе веселымъ и милымъ я не былъ сегодня въ расположеніи.

— Не могу!—почти крикнулъ я въ свою защиту.—Я монастырь буду осматривать, я пойду слушать объясненія!—и безъ оглядки побѣжалъ къ группѣ нашихъ спутниковъ, которымъ Анна и Катя что-то рассказывали.

Сестра-Анна была женщина пожилая, съ очень высокими и узкими лбомъ, похожимъ на столбикъ, и съ круглыми синими очками на носу.

— Здѣсь вотъ у насъ трапеза, кухня, квасная,—говорила она, указывая рукою на строеніе.—А въ этомъ крылѣ у насъ ризница. Есть цѣнное евангеліе, въ листъ московской печати, обложено позлащеннымъ серебромъ 84-й пробы... Докладывай, Катя.

Мы подвигались шагъ за шагомъ куда-то впередъ, а Катя тѣмъ временемъ говорила, словно выученный урокъ:

— Въ ризницѣ хранится плащеница малиноваго бархата, шитая золотомъ по картѣ, аршинъ и три четверти длины и одинъ аршинъ ширины—пожертвованіе купца Гришина; кругомъ всей плащеницы шитый узоръ, украшенный простыми цвѣтными камнями, а также бусами—подъ жемчугъ...

Анна и Катя такъ умѣло водили насъ отъ одного отдѣла къ другому, такъ старались все показать, такъ ловко пополняли онѣ разсказами одна другую, что могло показаться, будто мы осматриваемъ ли-вѣсть какія сокровищницы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все сводилось въ большинствѣ къ «шитю по картѣ», къ цвѣтнымъ камнямъ—изъ стекла, и къ бусамъ—«подъ жемчугъ». Показывали намъ мастерскую обуви, гдѣ работаютъ для себя сами сестры, показывали пекарню, съ чаномъ кнелаго тѣста, которое мѣситъ весломъ послушница; видѣли мы, какъ дѣлаются и просвирки.

— По-вашему, просвирки, а по-настоящему: просфоры!—съ улыбкой поправила меня Анна.

— Ужъ больше никогда не ошибусь!—воскликнулъ я съ удовольствіемъ.—Просфора! просфорня! магы-просфорница!..

— Вѣрно, вѣрно, молодой человекъ!

Какъ ни странно, но съ этого момента между мной и Анной возникла дружба. Не прошло и пяти минутъ, пока мы все переходили дворомъ къ другому корпусу, она успѣла узнать, кто я такое, гдѣ живу, и оказалось, что она знаетъ моихъ родныхъ и даже, когда была еще барышней, бывала въ гостяхъ у моей тетки, да и меня, должно быть, видывала стриженнымъ гимназистикомъ; нашлось пе

мало общих знакомых из города, и когда мы входили в домъ, гдѣ былъ пріютъ и рукодѣльная школа, наша дружба вполне уже укрѣпилась.

Чего здѣсь только не было, въ этомъ маленькомъ монастырѣ! Все въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, но все есть, что нужно. И всюду чистота, опрятность и ничего лишняго. Есть даже больница на пять кроватей, при ней аптечка и сестра-фельдшерца, а докторъ паѣзжаетъ разъ въ мѣсяць. Есть и пріютъ на пять дѣвочекъ, и школа для пріютокъ и для проходящихъ крестьянскихъ дѣтей.

— На это средства даетъ намъ сосѣдка, Марья Егоровна, помѣщица. Учимъ грамотѣ, закону Божію, пѣнію, рукодѣлью...

Стали показывать намъ разное вязанье, вышитыя полотенца, пришпиленные къ стѣнѣ рисунки; было все интересно.

По случаю жаркаго дня, все мы, пріѣзжіе, были одѣты легко. На мнѣ была полотняная рубашка, съ стоячимъ воротникомъ, вся вышитая цвѣтными узорами: и обшлага, и подолъ, и воротъ, и полоса на груди; шелковый синій поясъ, высокіе сапоги и бѣлая фуражка, вродѣ военной, а въ рукахъ легкая трость съ рѣзной собачьей головой—вотъ въ какомъ видѣ явился я тогда въ святую обитель.

Пока не доходило до рукодѣлья, на меня не обращали вниманія, но здѣсь, среди рисунковъ и вышивокъ, моя рубашка—я и самъ это понялъ—ударилась въ глаза. Сердце не камень: мать-Анна попросила меня вытянуть руку и начала трогать пальцемъ рисунокъ обшлага.

— Смотри, Катя, вотъ такъ работа! Гладью, да какъ!

— Ахъ, какъ замѣчательно!—похвалила Катя, пристально вглядываясь въ рукавъ.

И даже наши дамы-снотницы и тѣ стали разглядывать и хвалить работу моей рубашки.

— Кто это вамъ вышивалъ такъ?—спросила Анна.

— Это не домашней работы,—замѣтила Катя.

— Это мнѣ барышня одна нарп проиграла, вотъ и вышивала за это цѣлый годъ!—отвѣтилъ я.

— Неправда. Барышни такъ не вышить.

— Ей-Богу, барышня! Честное слово! А какъ ее зовутъ—не скажу!

Все опѣ засмѣялись и оставили меня въ покоѣ.

— Здѣсь у насъ всего волю,—хвалилась Анна, когда мы вышли снова на дорогу,—вонъ тамъ подъ горкой у насъ вишневый садъ, а среди него пчельникъ; тамъ и избушка зимняя для пчелъ; тамъ и хижина сестры-пчельницы.

— Весной тамъ, когда вишни цвѣтутъ—чисто рай!—добавила Катя и вся засіяла улыбкой.—И тишина какая! одиѣ только пчелы жужжать... А потомъ, когда цвѣты ужъ облетать начнутъ, такъ бѣлые лепестки цѣлые дни все летятъ, летятъ на землю... точно душистый снѣгъ идетъ... право!

Въ нашей компаніи были дамы и двое мужчинъ съ сѣдыми бородами; остальные—все мужъ да жена, мужъ да жена, все средняго возраста, кромѣ учителя географіи; тотъ былъ хотя и молодой, но безволосый, въ золотыхъ толстыхъ очкахъ и очень серьезный, такъ что, не считая меня, гости прѣхали солидные, семейные,

хорошіе, тѣмъ болѣе, что съ генеральшей игуменья была знакома, а генерала, отъ котораго мы привезли ей поклопъ, давно уважала, и потому намъ были предоставлены все удобства; даже Аннѣ и Катѣ разрѣшено было съ нами гулять, пить чай и вообще оставаться при насъ вплоть до отъѣзда. Разрѣшеніе это все-таки ходили просить Анна и генеральша вмѣстѣ.

На зеленой лужайкѣ, выйдя изъ-за монастырской стѣны, возлѣ сторожки, накрыли намъ длинный столъ, обставили его скамьями и табуретками, притащили горячій самоваръ, остальное додѣлалъ генеральскій денщикъ, сама генеральша и Наденька. Появилось и вино и закуска, апельсины, конфеты. А я приготовилъ имъ все съ сюрпризъ. Одинъ только денщикъ зналъ объ этомъ и помогалъ мнѣ еще накапунѣ—нарѣзать кусочками баранину, натереть эти кусочки лукомъ, перцемъ и лимонъ и продержать все это въ банкѣ цѣлую ночь во льду.

— Ну, что, Кузьма,—шеннулъ я,—какъ нашъ шашлыкъ? настоился?

— Такъ что, ваше благородіе, лукомъ дюжо натерли: больше душить невозможно, а то барыни ѣсть не захочуть.

Тутъ же, недалеко отъ стола, выкопали мы ямку. Кузьма притащилъ со стройки нѣсколько кирпичей; въ ямку положили «жару»—горячихъ углей; вмѣсто вертела, на студенческую шпагу, которую при всехъ вымыли кипяткомъ и водкой, напизалъ я куски баранины, и, къ общему удовольствію, надъ огненными углями зашипѣлъ и задымился на клипкѣ розовый сочный шашлыкъ.

— Ну, вотъ за это,—воскликнула восхищенная генеральша, воздѣвая надъ моей головой руки,—прощаю я вамъ все ваши безобразія—во вѣки вѣковъ!

— Аминь!—басомъ сказалъ географъ и затѣмъ многозначительно крикнулъ.

Все стало вдругъ почему-то весело. Все стали смѣяться, разговаривать, стали наливать вино. Смѣялись старики наши и дамы, смѣялись также монахини. Начали вспоминать Кавказъ; вспомнили Лермонтова; прочитали на-память отрывки изъ поэмъ; съѣли весь мой шашлыкъ, съѣли съ чаемъ конфеты, выпили вино и рѣшили итти гулять—на пчельникъ, на прудъ, въ роцъ за ландышами.

Пошли все вмѣстѣ, то гурьбой, то вразбродъ; приходилось разговаривать то съ Анной, то съ стариками, или съ учителемъ, а то съ Катей; но генеральша ко мнѣ болѣе не подходила; должно быть, шашлыкомъ откупился я на сегодня отъ нея и отъ Наденьки.

Катя спрашивала меня про Кавказъ; я началъ ей рассказывать, какъ было тамъ въ прошедшемъ году; она заинтересовалась горамп; я рассказалъ, какъ вдвоемъ съ татаринкомъ, верхомъ на коняхъ, покрытые бурками, въ бараньихъ шапкахъ, хотя это было лѣтомъ, мы ѣздили почевать въ горы, какъ развели тамъ костеръ, какъ жарили шашлыкъ, пили кумысъ, какъ потомъ встрѣчали восходъ солнца, какъ зардѣлись подъ пимъ золотомъ и румянцемъ спѣговья вершины, какая это была красота... И такъ мы долго съ ней шли и разговаривали; она иногда нагибалась, срывала ландыши и несла въ лѣвой рукѣ небольшой душистый бѣлый букетикъ.

— Какой простой цвѣтокъ, этотъ ландышъ, а какой пѣжвый, и какъ удивительно пахнетъ. Лучше него цвѣтка нѣтъ!—сказала, между прочимъ, Катя.—А, что, на Кавказѣ есть ландыши?

Черезъ минуту она опять спросила:

— А не страшно вамъ было съ татаринѣмъ въ горахъ ночь проводить?

Очевидно, Кавказъ произвелъ на нее большое впечатлѣніе; внимательно и чутко прислушивалась она къ каждому моему слову.

— А гора была высокая, на которой вы почевали? Выше вонъ того храма?.. вонъ, впереди—красный, каменный,—указала она рукой впередъ, гдѣ на песчаномъ пустырьѣ возвышалось большое кирпичное зданіе, еще недостроенное, доведенное лишь до купола, все, съ низа до верха, обнесенное бревнами и досками для прохода рабочихъ.

— Ну, на такую вершину я въ десять минутъ сбѣгаю!—похвалился я.— А тамъ мы долго взбирались; я лошадей замучили, и сами устали.

— Я сюда, на стройку, очень часто хожу,—сказала Катя.—Почти каждый день. Рабочіе рано уходятъ, я и иду. Видъ оттуда очень красивый, когда солнце садится: и прудъ, и корпуса наши, и пчельникъ, и все деревни сосѣднія—все какъ на ладони. На закатѣ тамъ хорошо думать думать...

— Думать думать... О чемъ?—спросилъ я.

— Да такъ...

Она приложила къ лицу свои ландыши и понюхала ихъ. Но я замѣтилъ, что она эгимъ замаскировала вздохъ. Розовое пятно вдругъ заиграло у нея на одной щекѣ.

— У меня дѣтство было очень тяжелое,—сказала неожиданно Катя и такъ довѣрчиво посмотрѣла мнѣ въ глаза, что у меня сердце затрепетало въ отвѣтъ.— Сиротою я ужъ попала сюда; здѣсь, въ пріютѣ, меня и вырастили. Такъ съ тѣхъ поръ и живу здѣсь.

— А въ Бога вы вѣрите?

— Какъ же можно въ Бога не вѣрить!.. Это счастье и спасеніе. Знала я одну невѣрующую... молодая была, мопхъ лѣтъ; немного постарше. Мучилась она ужасно невѣріемъ своимъ. Копчилось тѣмъ, что утопилась...

Послѣ этого мы замолчали и даже разошлись. Къ ней подошли дамы и старикъ, начали спрашивать—скоро ли достроятъ соборъ, кто на него пожертвовать, и мнѣ стало вдругъ скучно; вспомнилась ни съ того ни съ сего Травата; я пошелъ прочь и тихонько запѣлъ, вспоминая несчастную Виолету:

«Прощайте, все мои страданья,
Все мои надежды, все мои мечты» ...

Когда черезъ нѣсколько минутъ я снова подошелъ къ Катѣ (отъ нея отстали, наконецъ, съ разспросами и она шла одна), она осторожно спросила меня: что я запѣлъ давеча, и почему вдругъ ушелъ, точно обидѣлся.

— Я ничѣмъ васъ не огорчила?..

— Мнѣ старикъ надоѣли!—отвѣтилъ я рѣзко.—Вѣчно клиномъ врѣзаются въ чужую жизнь!—И когда уже отвѣтилъ, самъ почувствовалъ, что дѣйствительно разсердился на стариковъ: ну, чего мѣшаютъ въ чужую бесѣду! Можетъ быть, никогда въ жизни я не увижу болѣе эту Катю, никогда не разговарюю съ нею такъ, какъ въ эти минуты,—а они лѣзутъ съ вопросами, кто пожертвовалъ, да сколько, точно пмъ есть до этого всего дѣло!

— А запѣлъ я случайно. Это изъ оперы. Онъ и она—какъ встрѣтились, съ перваго же взгляда полюбили другъ друга—на всю жизнь. А старики ихъ раз-

лучили. Въ одиночествѣ Вioлетта умираетъ и вогъ поетъ: «Прощайте, все мои страдающа, все мои надежды, все мои мечты!» ...

Катя посмотрѣла на меня долгимъ взглядомъ, но, казалось, не видѣла меня. Она глядѣла какъ будто въ себя самое. Мы шли и оба молчали. Она опустила голову, опустила руку съ цвѣтами и такъ шла... Потомъ вдругъ остановилась и стала оглядываться.

— Гдѣ мать-Анна?—выговорила она неспокойно.

— Вонъ они все: направо; спускаются по дорожкѣ къ пруду. Оставьте ихъ. Пусть спускаются. А мы съ вами поднимемся на стройку. Туда, на верхъ! на самую вершину!

— Идѣть. Надо догнать своихъ.

— Не надо. Они далеко не уйдутъ.

Мы стояли возлѣ стѣнъ будущаго собора. Какъ всегда бываетъ на каменныхъ стройкахъ, изъ отверстій въ этихъ красныхъ сырыхъ стѣнахъ, среди жаркаго лѣтняго дня, вѣяло холодомъ и влагой.

— Миѣ нравится, что васъ зовутъ здѣсь «Вожакъ»,—сказалъ я Катѣ.— Ну, Вожакъ,—ведите на высоту!

Я почувствовалъ, что сердце во миѣ загорается.

— На высоту!—повторилъ я.—Ближе къ небу, ближе къ Богу, который создалъ всю эту жизнь, всю красоту, который даровалъ—биться нашему сердцу, видѣть—нашимъ очамъ, который не отнялъ радость существованія!.. Водите, Вожакъ!..

Она улыбнулась тихой, свѣтлой улыбкой, точно прощала миѣ что-то, точно брала на одну себя весь отвѣтъ за насъ обоихъ.

Рѣшилась она сразу, и первая ступила на доски, отлого протянутыя кверху, съ набитыми на нихъ поперечинами, чтобъ не скользили ноги. По этимъ доскамъ несутъ рабоче кирпичъ, воду, цементъ, поэтому онѣ были сорны и залиты. Катя, видимо, привыкла къ нимъ и шла ровно, четко, скоро, и оглянулась на меня уже съ высоты второго этажа. Поглядѣла,—и улыбнулась. Ничего не сказала и пошла выше.

Я шелъ за нею. Трудно сказать, что я чувствовалъ. Миѣ было легко, от-раддно,—вотъ и все. Что-то ласковое и милое обвѣяло душу. И то, что мы были одни, и то, что мы были выше рощи, надъ садами, надъ домами и надъ полянами, и поднимались все выше и выше—все это отдавало меня во власть минуты. Молодая зелень листвы и травы сливалась въ одну общую блѣдно-зеленую ширь, а надъ нею сіяло голубое солнечное небо.

Мы остановились. Итти выше было некуда. Здѣсь кончалась кирпичная кладка; отсюда начнется потомъ сводъ купола, а пока это было громадное, круглое жерло, каменная пропасть, надъ которой нагнуться и заглянуть внизъ было жутко. Но мы и не глядѣли внизъ.

Надъ головами у насъ съ веселымъ шелестомъ и свистомъ скользили вдругъ стрижи, промчались и потонули въ воздухѣ.

Все было тихо, ласково, лучезарно.

— Господи! какъ хорошо!—проговорила Катя, оглядывая спокойные горизонты.

— Какъ хорошо,—тихо повторилъ я ея слова.

— Хорошо,—повторила и Катя.

Еле замѣтная улыбка радости озаряла ея лицо. Голубое небо и солнце отражались въ ея глазахъ. Легкіи вѣтерокъ чуть шевелилъ концы ея платка на головѣ, и я замѣтилъ тогда на секунду подъ платкомъ прядь свѣтло-каштановыхъ волосъ.

Летѣли минуты; мы молчали. Сердце мое билось восторгомъ, и я понималъ, я чувствовалъ въ эти минуты Катину душу; я угадывалъ ея мысли, ея настроеніе; я зналъ, что нужно молчать, до тѣхъ поръ молчать, пока слово само не скажется, и слово это не можетъ быть простымъ, обыкновеннымъ, оно должно быть значительнымъ, высокимъ,—иначе греза померкнетъ, радость умретъ.

Катя медленно подняла руку съ ландышами, приложила цвѣты къ лицу и стала дышать ихъ ароматомъ, закрывши на секунду глаза. Вѣяло и на меня этой душистой свѣжестью весны, этой тонкой сладостью аромата, а снизу, изъ садовъ и рощи доносилось до насъ радостное щебетаніе птицъ.

Мы глядѣли на лѣса, на поля, въ майскія зеленыя дали, залитыя солнцемъ,—и молчаніе наше длилось.

Подъ влияніемъ окружающаго насъ простора, выси и красоты, намъ хотѣлось сказать другъ другу то, что въ словахъ нельзя выразить. И, независимо отъ нашей воли, наше молчаніе становилось полнымъ содержанія.

Въ это время на старой монастырской башнѣ ударили въ колоколь—къ вечернѣ. Но Катя стояла, какъ раньше, и глядѣла задумчиво-ласково куда-то въ пространство, и держала у лица ландыши, закрывая ими губы и подбородокъ. Она, должно быть, не слыхала благовѣста и вообще—душой и мыслями была гдѣ-то не здѣсь.

Я смотрѣлъ на Катю, на этого Вожака по монастырскимъ ризницамъ и рукодѣльнымъ, знающую здѣсь все сокровища въ сундукахъ и все тропинки въ лѣсу, все входы и выходы, и видѣлъ, что впервые забрела она въ чужу, и потерялась... И мнѣ захотѣлось позвать ее съ собою—въ жизнь, въ ту смутную, плѣнительную даль, которую я и самъ въ то время еще не зналъ, которая была и для меня загадкой и тайной.

И Катя это почувствовала. Она вдругъ выпрямилась и взглянула, точно проснувшись. Потомъ отвела руку съ цвѣтами отъ лица и медленно начала сбрасывать ландыши, цвѣтокъ за цвѣткомъ, внутрь постройки, въ эту холодную каменную бездну, какъ бы отрекаясь отъ чего-то, какъ бы отгоняя отъ себя мысль за мыслью, какъ бы роняя въ эту бездну слезу за слезой. Потомъ она взяла обѣими руками въ горсти оставшіеся цвѣты, приникла къ нимъ всемъ лицомъ—глазами, губами, точно прощаясь, и вдругъ бросила ихъ все сразу, разсыпавъ далеко отъ себя въ воздухъ; ландыши взлетѣли и посыпались внизъ; только одинъ стебелекъ съ бѣлыми шариками и зеленымъ полуразвернувшимся листомъ зацѣпился въ расщелинѣ доски и повисъ надъ пропастью...

Внизу слышались веселые знакомые голоса. Греза отлетѣла, и скрипучими шагами поднималась къ намъ Проза, со стремянки на стремянку, ближе и ближе...

— Вотъ вы гдѣ!—сказала генеральша, увидѣвъ мою бѣлую расшитую рубашку рядомъ съ чернымъ платьемъ Кати.—Они здѣсь, мать-Анна!—крикнула она внизъ, и сейчасъ же поправились:—Мы все здѣсь! Все здѣсь, не беспокойтесь!

За генеральшей поднимался географъ и велъ за руку Наденьку, а Наденька вела за руку предѣдателя благотворительнаго общества...

Вскорѣ мы все вернулись на лужайку къ сторожкѣ, гдѣ дожидались насъ

отдохпунція лошади. Стали прощаться; погромыхивали на сбруяхъ бубенчики; мать-Анна цѣловалась со всѣми дамами, мужчинамъ же подавала руку, а Катя кланялась молча.

Подошелъ и я къ ней. Хотѣлось сказать многое и хорошее; но я выговорилъ только одно:

— Прощайте.

И она отвѣтила коротко:

— Прощайте.

Мы поклонились другъ другу по-старинному: низко, въ поясъ, не подавая руки, и разошлись—навсегда.

Покатили одна за одной наши линейки по мягкой дорогѣ, подъ косыми лучами заходящаго солнца, и длинныя, прозрачныя тѣни побѣжали за нами по тихимъ полянамъ. Дамы махали платками, а я фуражкой, въ ту сторону, гдѣ у воротъ остались двѣ черныя одинокія фигуры, и мнѣ было грустно глядѣть на нихъ, такихъ одинокихъ...

Мы были уже далеко, когда я увидѣлъ снова съ холмистаго берега—за рѣкой, въ сѣрой дымкѣ, высокую колокольню и темный силуэтъ недостроеннаго собора. Воображеніе подсказывало мнѣ, что наверху, возлѣ купола, на сырой красной стѣнѣ стоитъ тонкая черная фигура, молчаливая, грустная и глядитъ въ туманную даль, на проѣзжую дорогу... И я глядѣлъ туда, на соборъ, и посыпалъ свой искренній, отъ всего сердца, прощальный привѣтъ.

Н. Т е л е ш о в ъ .

